

Котов Петр Павлович

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ХЛЕБНЫХ И ДЕНЕЖНЫХ ЗАПАСОВ НА СЛУЧАЙ НЕУРОЖАЕВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье на основе законодательных актов прослеживается создание системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в России XVIII – первой половины XIX века. Выявляется, что эта система формировалась длительное время, приобрела относительно четкие очертания лишь в конце 1820-х – начале 1840-х годов и имела заметную специфику у разных податных сословий страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. С. 91-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

18. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции в России (1718-1917). М.: А.П.О., 1992. Вып. 2. Полиция Российской империи XIX - начала XX в. 56 с.
19. Тот Ю. В. Полиция Российской империи (1862-1917 гг.): историко-правовой аспект: реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: автореф. дисс. ... д-ра истор. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2003. 38 с.
20. Центральний державний історичний архів м. Київ (ЦДАК). Ф. 356. Оп. 1.
21. ЦДАК. Ф. 442. Оп. 55.
22. Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск: МВД СССР; Минская высш. шк., 1981. 49 с.
23. Ярмиш О. Н. Каральный аппарат самодержавства в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. Харків: Консум, 2001. 288 с.
24. Ярмыш А. Н. Карательный аппарат самодержавия на Украине (1895-1917 гг.): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Харьк. юрид. ин-т. Харьков, 1991. 30 с.
25. Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно... Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX – начале XX в. К.: Юринформ, 1992. 186 с.

POLICE REFORM OF 1862: REALIA OF EKATERINOSLAV PROVINCE

Dariya Valerievna Korotenko

Department of Ukrainian History and Ethnic Politics

Dnepropetrovsk National University named after O. Gonchar, Ukraine

info@dnu.dp.ua

The author analyzes the main aspects of the police reform of 1862 by the example of Ekaterinoslav province, covers the place and role of transformations implementation within police in the context of modernization processes in the Russian Empire in the 60s of the XIXth century, pays special attention to the structure, personnel, material support of district and city police, and considers the results of the transformations in terms of strengthening administrative authority on-site.

Key words and phrases: police reform; "Provisional Regulations"; district police department; city police department; district police officer; chief of police; police officer; policeman.

УДК 94:631.243.32(47+57)“17/18”

Исторические науки и археология

В статье на основе законодательных актов прослеживается создание системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в России XVIII – первой половины XIX века. Выявляется, что эта система формировалась длительное время, приобрела относительно четкие очертания лишь в конце 1820-х – начале 1840-х годов и имела заметную специфику у разных податных сословий страны.

Ключевые слова и фразы: неурожай; запасные хлебные магазины; хлебные сборы; хлебный капитал; продовольственный капитал; общественная запашка.

Петр Павлович Котов, к.и.н., доцент

Кафедра истории России и зарубежных стран

Сыктывкарский государственный университет

kotovpetr55@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ХЛЕБНЫХ И ДЕНЕЖНЫХ ЗАПАСОВ НА СЛУЧАЙ НЕУРОЖАЕВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]

Большим бедствием для России были неурожайные годы. По мере укрепления и совершенствования институтов государственного управления России на проблему неурожая все чаще обращалось внимание, в том числе и со стороны верховной власти. Для простых граждан «недородные годы» несли потенциальную, нередко прямую опасность массовых голодовок. Для господствующего класса и государственной власти возрастала вероятность бунтов, несвоевременной выплаты податей, увеличения смертности и других тяжелых последствий.

В течение времени укреплялось мнение о введении прямых мер для преодоления последствий неурожая. Еще в 1718 г. принималось решение «о заведении хлебных запасов для вспоможения поселянам в случае недостатка хлеба от неурожая и других несчастных приключений бывающих» [4, с. 896].

В связи с неурожаями 1723 и 1724 гг. в ряде губерний России необходимость формирования хлебных запасов актуализируется. Для начала предпринималась попытка организации учета ситуации с продовольствием в стране. В 1723 г. Петр I приказал «в Камер-коллегии учинить Контору и придать к ней Особого человека, который бы всегда мыслил и доносил о магазинах Государственных и о прочих, каким образом, во время недорода, народ довольствовать...» [9, с. 27]. В январе следующего года царь повелел: «Учинить экономии Генерального, которого должность первая над хлебом, чтоб везде запасной был, дабы в неурожайные

годы народ голоду не терпел» [11, с. 204–205]. Петр I не скрывал заимствования опыта европейских стран, который следует приспособить к условиям России. Однако дальнейших четких разъяснений по практической реализации создания хлебных запасов не последовало. Великий реформатор вскоре скончался, и многие его начинания, в том числе по организации хлебных резервов, не получили развития.

Затем верховная власть России довольно длительное время не издавала общегосударственных нормативов по формированию хлебных резервов. К идее их создания вновь вернулись после смерти Елизаветы I. В указе Сената от 14 февраля 1761 г. было обращено внимание, что в периоды «неурожая хлеба, цена оному была чрезвычайно велика» и зерна «поселяне многие на посев не оставили». В результате возникали опасные для феодального государства ситуации, когда население империи «в казенных платежах великие недоборы приключили». Поэтому законодатель предписал «иметь в запасе хлеб на годичное продовольствие и на будущий посев» [10, с. 648–649]. Обязав владельцев самим позаботиться о своих крестьянах, государство планировало за счет казны «хлебные магазины завести во всех городах». В именном указе от 20 августа 1762 г. Екатерина II объясняла предполагаемые шаги тем, «дабы всегда цена хлеба в Моих руках была» [5, с. 57]. Этот закон остался на бумаге. На его исполнение требовались большие средства, каковых правительство не смогло изыскать.

Да и указ 1761 г. долгое время не имел практических последствий. В нем отсутствовали «точные правила» его реализации и контроля над исполнением. Лишь после секуляризации церковных владений новое ведомство – Коллегия Экономии первым отреагировало на четырехлетней давности закон. 10 марта 1765 г. Коллегия Экономии издала для своих крестьян распоряжение «во всякой деревне иметь годовой запас хлеба, перемежая оный ежегодно свежим», не уточняя порядок его реализации. Лишь в «Наставлении Экономическим Правлениям» от 4 апреля 1771 г. впервые говорилось о создании «запасных хлебных магазинов», которые следовало «наполнять (*ежегодным* – К. П.) сбором с каждой души при хорошем урожае по полчетверти¹, а при посредственном в полы» [4, с. 896]. Но вновь не прояснились нормы и правила строительства и содержания запасных хлебных магазинов.

Более основательно правила введения и содержания хлебных запасных магазинов были прописаны при создании удельных владений по закону от 5 апреля 1797 г. В нем указывалось, что «для отвращения могущего случиться от недорода хлеба недостатков» при каждом удельном приказе «надлежит учредить запасный хлебный магазин». Удельные крестьяне избирали из своей среды старост, которые отвечали за должное устройство и поддержание строений этих магазинов, своевременный и полный сбор хлеба с крестьян и «правильное распоряжение запасами». Хлебный сбор учреждался в объеме 0,5 пуда ржи с 1 десятины (далее – дес.) посева озимых и «10 фунтов овса и толико же число гречи». Надлежало «продолжать сей сбор безостановочно, не смотря на количество хлеба, в магазине хранящегося». Через каждые 2 года «старый» хлеб следовало продавать и покупать или менять на «новый». Зерно можно было выдавать «в займы на пропитание и на посев» только удельным крестьянам, но не менее 4 пудов «на заемщика» [16, с. 525–569].

Пример удельной деревни послужил образцом для дальнейшего законодательства верховной власти. Она начала выстраивать систему мер, призванную нивелировать последствия неурожая. При этом государство окончательно отказалось от непосредственного участия в ее создании и финансовых затрат. Они перекладывались на сельских и городских тружеников. По сути, вводилась новая государственная подать.

По закону от 7 августа 1797 г. произошло разделение «казенных сел на волости». Одновременно, по аналогии с удельной деревней, в каждой казенной волости предписывалось создать запасной хлебный магазин [6, с. 676–677]. При исполнении данного закона местные чиновники не проявили необходимого «радения». Это и подтвердил запрос, оформленный в виде указа Сената от 20 марта 1798 г. [8, с. 170–171]. Поэтому 29 ноября 1799 г. Павел I подписал еще один закон, который более четко регламентировал правила создания запасных хлебных магазинов в казенной и помещичьей деревне и усиливал ответственность за их невыполнение. Хлебные магазины следовало «устроить» в селениях, «где не менее 50 дворов, где нет, соединить селения». В «местах безлесных» до постройки «магазинов» разрешалось «сохранять запасной хлеб, как там по введенному жителями обыкновению сохраняется, как то: в ямах и даже немолочный в скирдах». Законодатель требовал ввести строгий учет зерна, своевременно обновлять его и «накопить (*в магазинах* – К. П.) по 3 четверти ржи и 3 четверика ярового овса или ячменя» на каждую ревизскую душу [13, с. 895–899].

Определялся и новый принцип «хлебных сборов» – с ревизской души. Отныне ежегодно после окончания жатвы с души необходимо было собрать озимых «не менее по полчетвертику и яровых по полугарнцу» [Там же, с. 898]. В результате исчезал существенный недостаток более ранних норм, в которых не учитывалось, что отсутствовал точный учет крестьянской пашни. Это обстоятельство, конечно, вызывало сложности с определением размеров хлебных сборов. Поэтому в 1808 г. и в удельной деревне России ввели по душевой принцип накопления хлебных запасов [14, с. 256].

После Отечественной войны 1812 г. выяснилось, что на местах четкого исполнения правил о хлебных магазинах так и не налажено. В ходе обсуждения этого вопроса с собственниками земли и крестьян (помещиками и удельным ведомством) в 1816 и 1819 гг. правительство Александра I заключило, что опасность последствий от неурожая в России преувеличена, и нормы создания хлебных резервов излишне завышены. Было сделано и

¹ До конца XIX в. зерновые хлеба в России измерялись в мерах объема. Наиболее крупной мерой являлась четверть. Она обнимала 8 четвериков или 64 гарнца (соответственно в четверик входило 8 гарнцов). Весовое содержание этих мер заметно различалось по разным родам хлебов. Так, вес четверти пшеницы или озимой ржи варьировался вокруг 8 пуд., ячменя – 7 пуд. и овса – 6 пуд.

другое, не лишнее здорового смысла обобщение: в силу значительного своеобразия регионов и особенностей положения разных податных сословий империи «буквальное» исполнение одинаковых и жестко регламентированных правил о запасных хлебных магазинах на местах «неудобно и затруднительно», в некоторых из них – невозможно. В связи с этим предполагалось заменить хлебные запасы «особым денежным капиталом», сформированным путем единовременного сбора со всех крестьян по 25 коп. асс. с ревизской души [7, с. 477].

Однако сложности с обеспечением хлебом населения в неурожайный 1821 г. изменили планы правительства, хотя предыдущие намерения были учтены. По именным указам от 14 апреля 1822 г. в Европейской России и от 22 июля этого же года в Сибири создавались «губернские комиссии для продовольствия жителей», которые по своему усмотрению могли сохранять запасные хлебные магазины или учреждать «денежный капитал» [12, с. 146-154]. Первый путь избрали 40 губерний страны. В них полагалось «сбирать ежегодно по 4 гарнца на каждую ревизскую душу» [Там же, с. 148] и довести запасы зерна до 2 четвертей на душу (включая 0,5 четверти ярового). В других 12 губерниях за счет годовых сборов по 25 коп. асс. следовало накопить такую сумму средств, которой «в соображении с местными условиями» хватило бы на приобретение 1 четверти хлеба на каждую душу [Там же, с. 149]. При расчете указанной суммы в каждой губернии учитывались средние за предыдущие 5 лет цены на зерно. В 1824 г. в ведение губернских комиссий народного продовольствия были отнесены и городские хлебные магазины. С другой стороны, по-прежнему положения «о хлебных запасах», как и последующие подобные законы, не касались «Грузии, Бессарабии и колонистов горных» [Там же, с. 152]. На особом положении находились также Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии.

Изначально даже ряд высокопоставленных чиновников России выражали сомнения в эффективности обновленной системы, вытребованной для создания хлебных резервов на случай неурожая. В частности, в ходе «ревизии» выяснилось, что ни в одном запасном хлебном магазине удельных имений не накоплен положенный запас зерна – по 2 четверти на душу. Мало того, чиновники пришли к выводу о невозможности создания нормативного запаса хлеба при существующих правилах его формирования – для этого нужно было 32 года «бездоимочного» сбора хлеба или 48 лет денежных сборов. Но крестьяне, обремененные податями и повинностями, не могли полностью и регулярно вносить хлеб и имели большие недоимки по этим статьям. Да и неурожай случались раз в каждые 5-6 лет. Это послужило причиной для изменения принципа наполнения запасных хлебных магазинов в удельной деревне. В его основу положили общественную запашку. Под нее в 1828-1829 гг. была выделена лучшая часть крестьянской тягловой пашни. Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности [4, с. 819-821]. Одна доля собранного зерна ссыпалась в запасные хлебные магазины, другая – продавалась, и 10% полученной суммы поступали в «хлебный капитал», остальные деньги распределялись между чиновниками в качестве вознаграждений. Такая практика функционирования запасных магазинов в совокупности с созданием денежных накоплений просуществовала, с частными корректировками, до отмены крепостного права в удельной деревне страны в 1863 г.

Следует признать, что за счет сокращения крестьянской пашни и усиления эксплуатации населения в удельной деревне России удалось создать действенную систему накопления хлебных и денежных запасов на случай неурожайных лет. Так, неурожай 1833 г. удельная деревня пережила без особых затруднений в отличие от помещичьей и казенной деревни. В последних хлебных резервов в запасных магазинах оказалось менее половины от необходимых потребностей, а в губерниях с «хлебным капиталом» денежных средств хватило на покупку только трети надобного зерна [7, с. 477].

На сложившуюся ситуацию правительство отреагировало достаточно оперативно и вновь учло положительный опыт удельной деревни. Уже 5 июля 1834 г. издается «Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствии», по которому для помещичьих и казенных крестьян вводились и хлебные, и денежные сборы [1, с. 691-705]. Во всех губерниях страны (за исключением упомянутых ранее территорий) этих крестьян обязали в каждом сельском обществе завести хлебные запасные магазины. В качестве дополнительных натуральных и денежных повинностей на крестьян возложили строительство, ремонт и охрану этих магазинов. Само собой, они должны были создавать и хлебные припасы, установленная норма которых, относительно 1822 г., снижалась до 1,5 четвертей на ревизскую душу (1 четверти озимых и 0,5 четверти яровых). Напротив, ежегодные душевые натуральные сборы возвышались до «получетверика озимых и 2 гарнцев яровых». Вскоре, по указам от 12 июля 1834 г. срок этих хлебных сборов в помещичьей деревне и от 25 июля того же года в казенных селениях ограничили 16 годами [3, с. 787-797; 15, с. 718-725].

Помимо хлебных взносов на помещичьих и казенных крестьян налагались и прямые денежные сборы по 10 коп. асс. на ревизскую душу, взимаемые ежегодно вместе с подушной податью. Общую сумму «хлебного (или продовольственного) капитала» предполагалось довести до 1,6 руб. на душу. В отношении городов законодатель ограничился лишь созданием «хлебного капитала», который следовало сформировать за счет выкупов с мещан по 15 коп. асс. с ревизской души в течение последующих 20 лет [1, с. 693; 3, с. 788; 15, с. 720]. Тем самым государство отказалось от внедрения запасных хлебных магазинов в городах, оставив таковые лишь в городских поселениях Архангельской губернии.

В связи с отменой в 1839 г. ассигнаций и переходом на серебряный рубль, затем и на кредитный рубль изменились и нормы «хлебного капитала». Его душевая сумма определялась на селе в 48 коп. серебром (сер.) путем сборов по 3 коп. в год, в городах – в 1 руб. при взносах по 5 коп. в год [7, с. 477].

Непосредственный контроль по исполнению законов 1834 г. возлагался на губернские комиссии продовольствия, предводителей дворянства и земскую полицию, которые совместно с крестьянским «миром»

распоряжались запасами хлеба. Эти запасы из конкретных сельских магазинов использовались на нужды только тех крестьян, которые были «прикреплены» к таковым и вносили в них ежегодные натуральные взносы. Иные подходы действовали относительно «хлебных капиталов». Их, строго с разрешения правительства, местные власти могли употребить в интересах населения любой части или всей губернии.

В 1839 г. после создания министерства государственных имуществ в его ведение передавались все сельские хлебные запасные магазины и «продовольственные капиталы» казенной деревни. Законом от 16 марта 1842 г. правила их формирования были скорректированы. Прежде всего, вдвое умножались ежегодные душевые взносы – натуральные до 1 четверика озимых и 4 гарнцев яровых, денежные до 6 коп. сер. Правда, при достижении положенной нормы хлебов в запасных магазинах по 1,5 четверти на ревизскую душу и средств «продовольственного капитала» по 48 коп. сер. соответствующие годовые душевые сборы наполовину сокращались, т.е. возвращались к уровню 1834 г. Как только запасы становились менее установленного уровня, душевые взносы вновь удваивались. Кроме того, по новым порядкам государственные крестьяне получили право пополнять запасные магазины мукой (ранее это запрещалось) и зерном с общественной запашки [2, с. 176-184]. Однако попытки внедрения последней в 1840-х годах в государственной и помещичьей деревне не увенчались успехом.

После 1842 г. активность законодателя по усовершенствованию комплекса мер, направленных на преодоление последствий от неурожая в стране, прекратилась. Выработанные к этому времени правила формирования хлебных и денежных запасов он посчитал достаточными и эффективными и не изменял их до отмены крепостного права. В ходе буржуазных реформ в России эти правила отменялись, и функционирование хлебных запасных магазинов было изменено, что требует специального исследования.

Таким образом, анализ законодательных актов показывает, что в течение длительного времени в России разрабатывались критерии по формированию хлебных и денежных запасов на случай неурожайных лет. Правительство ассоциировало в качестве их ядра сельские хлебные запасные магазины. Постепенно, наряду с требованием формирования собственно хлебных резервов вводится и норма накопления определенных денежных средств – в рамках «хлебного (иначе – “продовольственного”) капитала». При этом все эти правила и нормы имели заметную специфику у разных категорий податных сословий – мещан, удельных, помещичьих и государственных крестьян.

Список литературы

1. **Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствии:** Именной указ, данный Сенату, № 7253 от 5 июля 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. Собрание II. Отделение 1. Т. IX.
2. **Высочайше утвержденное Положение о обеспечении продовольствием государственных крестьян:** Именной указ № 15386 от 16 марта 1842 г. // ПСЗРИ. СПб., 1843. Собрание II. Отделение 1. Т. XVII.
3. **Наставление о сельских хлебных запасных магазинах казенных крестьян:** Рапорт Г. Министра Внутренних Дел № 7300 от 25 июля 1834 г. // ПСЗРИ. СПб., 1835. Собрание II. Отделение 1. Т. IX.
4. **О заведении в Удельных имениях особой запашки полей, для наполнения запасных хлебных магазинов:** Высочайше утвержденный доклад Министра Императорского Двора № 1406 от 25 сентября 1827 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание II. Т. II.
5. **О заведении хлебных магазинов во всех городах и о запрещении купцам выписывать парчи и кружева:** Именной указ, данный Сенату, № 11649 от 20 августа 1762 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XVI.
6. **О разделении казенных сел на волости и о порядке внутреннего их управления:** Высочайше утвержденный доклад Экспедиции Государственного Хозяйства № 18082 от 7 августа 1797 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXIV.
7. **О распределении капитала народного продовольствия:** Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 23 мая, № 43240 от 25 апреля 1866 г. // ПСЗРИ. СПб., 1868. Собрание II. Отделение 1. Т. XLI.
8. **О содержании сельских и городских магазинов и о представлении Экспедиции Государственного Хозяйства, Опекунства Иностранцев и Сельского Домоводства попечения о сохранении собранного хлеба:** Сенатский указ, в следствии Именного № 18448 от 20 марта 1798 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXV.
9. **О учинении в Камер-Коллегии особой Конторы для наблюдения за хлебопашеством и продовольствия народа хлебом, во время неурожая:** Именной указ, объявленный Кабинет-Секретарем Макаровым, № 4175 от 27 февраля 1723 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. VII.
10. **Об обязанности владельцев иметь в запасе хлеб на годичное продовольствие и на будущий посев:** Сенатский указ № 11203 от 14 февраля 1761 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XV.
11. **Об учинении особаго начальства по экономии, для наблюдения за хлебными запасами, о заведении магазинов, о солеварении рыбы и о китовом промысле:** Именной указ № 4420 от 20 января 1724 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. VII.
12. **Об учреждении в каждой Губернии комиссии для продовольствия в неурожайные годы жителей хлебом и денежным пособием:** Именной указ, данный Сенату, № 29000 от 14 апреля 1822 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXXVIII.
13. **Об учреждении в казенных и помещичьих селениях запасных хлебных магазинов с годовой пропорцией:** Высочайше утвержденный доклад Сената № 19203 от 29 ноября 1799 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXV.
14. **Положение Департамента Уделов:** Именной указ, данный Сенату, № 23020 от 15 мая 1808 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXX.
15. **Руководство для строения запасных магазинов в селениях помещичьих и хранения в оных хлеба:** Рапорт Г. Министра Внутренних Дел № 7272 от 12 июля 1834 г. // ПСЗРИ. СПб., 1835. Собрание II. Отделение 1. Т. IX.
16. **Учреждение об Императорской Фамилии** № 17906 от 5 апреля 1797 г. // ПСЗРИ. СПб., 1830. Собрание I. Т. XXIV.

**BREAD AND MONEY SUPPLY SYSTEM FORMATION IN CASE OF CROP FAILURES
IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE XVIIITH – THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

Petr Pavlovich Kotov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russia and Foreign Countries History
Syktvykar State University
kotovpetr55@mail.ru

The author, basing on legislation acts, traces the creation of bread and money supply system in case of crop failures in Russia of the XVIIIth – the first half of the XIXth century, and reveals that this system was being formed for a long time, got relatively clear frameworks only at the end of the 1820s – the beginning of the 1840s, and had significant specificity for different poll-tax paying classes of the country.

Key words and phrases: crop failures; reserve bakeries; bread charges; bread capital; food capital; public ploughing.

УДК 94(47)084

Исторические науки и археология

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии советской прокуратуры с обывателями в сложный период 20–30-х гг. XX века. Автор акцентирует внимание на том, что в указанный период прокуратура была ориентирована на обеспечение прав и интересов трудящихся. Широкое вовлечение граждан в дело прокурорского надзора виделось одним из способов повышения его эффективности, однако оказалось безуспешным, поскольку противоречило социально-политическим процессам, происходившим в стране в рассматриваемый период.

Ключевые слова и фразы: прокурорский надзор; группы содействия прокуратуре; примирительные камеры; революционная законность; прокурорский актив.

Анна Викторовна Крыжан, к. ист. н.
Кафедра гуманитарных дисциплин
Региональный открытый социальный институт
kryjhan@mail.ru

**СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 20-30-Х ГГ. XX В. ©**

Основой любой социальной системы является разнообразно проявляющееся поведение людей. Для того чтобы говорить о соответствии поведения человека ожиданиям общества, нужно, во-первых, обозначить эти ожидания путем выработки правовых норм, а во-вторых, создать благоприятствующую нормальному поведению среду, которую характеризуют как правопорядок. Как любая среда, правопорядок нуждается в управлении. Эту функцию осуществляют правоохранительные органы, к которым относятся разнообразные по своим возможностям и устройству государственные структуры. Однако периоды социальных конфликтов характеризуются резким обострением противоречий интересов общества и государства. При изменении системы общественных отношений ломаются и сложившиеся структуры повседневности, меняется в том числе и отношение обывателей к правоохранительным органам.

Рождение советской прокуратуры не обошлось без дискуссий. Одни предлагали применить вариант, опробованный в 1918–1922 гг. на местных органах юстиции, которые, с одной стороны, были подчинены Наркомату юстиции, а с другой – исполнительным комитетам местных советов. Сторонники этой точки зрения мотивировали свою позицию тем, что на местах исполкомы смогут обеспечить назначение на должности прокуроров наиболее надежных и проверенных работников. Другие, наоборот, считали руководство местных властей органами надзора за законностью пагубным, полагая, что это приведет к злоупотреблениям и коррупции. Они настаивали на прямом подчинении прокуратуры Наркомосту. В конечном итоге победила вторая точка зрения. Решающую роль в этом сыграло мнение Ленина, высказанное в письме «О “двойном подчинении” и законности» [8, с. 197–201], в котором он наголову разбил сторонников идеи двойного подчинения и обрисовал принципы организации и деятельности советской прокуратуры. Дальнейшая практика показала, что прямое подчинение НКЮ позволило прокурорам на местах в полной мере осуществлять надзор за соблюдением революционной законности. Это объясняло некоторую предвзятость местных властей, считавших прокуратуру «излишним балластом в структуре Советского аппарата» [7, д. 700, л. 202], стеснявшим местную инициативу.

Отчеты районных и окружных прокуратур свидетельствуют о том, что во второй половине 20-х годов прокурорские работники получали от населения значительное количество жалоб на притеснения со стороны местных властей. В отчете о работе Курской окружной прокуратуры за 1-е полугодие 1927 г. приведены